

Линь Фань бормотал про себя: «Мать твою, до чего же этот мир обнищал, а столько правил понапридумывали! С чего вдруг здесь такая дремучая и суеверная жуть?»

Почему бы им не ввести другое правило: чтобы в день свадьбы муж и жена лупили друг друга?

Чем больше Линь Фань размышлял, тем сильнее злился.

— Что за собачья чушь эти обычаи? — выругался он. — Передаваемые из поколения в поколение правила... Передаются они в задницу! Разве это правила? Это же чистейшее издевательство! Хорошее, радостное событие в конце концов может превратиться в похороны.

Высказавшись, он в гневе занес палку над головой.

Однако надо признать, что эта девчонка Сун Сяосюэ... Прекрасно зная, что палка предназначена для того, чтобы бить её, она сама принесла в комнату такую толстую дубинку. Похоже, она и впрямь была готова смириться с подобным обычаем и уже настроилась принять удары.

Увидев, что Линь Фань занес палку, Сун Сяосюэ тотчас изо всех сил зажмурила глаза, да так сильно, что кожа меж бровей собралась в складки. Можно было только догадываться, каково ей сейчас на душе и какого колоссального напряжения стоило подготовиться к побоям.

Но шло время, а удар всё не обрушивался на её тело.

Она мысленно настраивала себя терпеть изо всех сил и не издавать ни звука. Вскоре до неё донесся свист рассекаемого палкой воздуха, а в следующее мгновение за дверью раздался звук упавшей на землю деревяшки.

И как раз в этот момент со стороны дальних домов донесся прерывистый женский визг. Видимо, этот обычай действительно существовал, и вышедших замуж сегодня женщин сейчас и впрямь воспитывали подобным образом.

Услышав крики несчастной на улице, Сун Сяосюэ задрожала всем телом. Ей стало не по себе, она не находила себе места, не зная, куда деть руки, и в растерянности предавалась тревожным мыслям.

В этот момент чьи-то большие руки легли ей на плечи.

Прикосновение этих рук испугало её, заставив иступленно затрепетать, однако никакой боли она не почувствовала. Вместо этого раздался мягкий голос Линь Фаня:

— Жена, вставай скорее. В нашем доме нет всех этих обычаев и ветхих правил.

Услышав это, Сун Сяосюэ на мгновение замерла. Напряжение на её лице стало постепенно спастись, и она робко открыла глаза, с недоумением глядя на своего мужа.

— Жена, вставай, чужие правила — это дело других людей, а у нас в доме их нет.

Линь Фань бережно помог Сун Сяосюэ подняться и отвел к краю кровати, усадив на неё. Он продолжал говорить мягким, успокаивающим тоном:

— Твой муж, то есть я — человек вовсе не суеверный и в так называемые традиции не верю. И уж тем более я не стану делать то, что недостойно мужчины. Устраивать показательную порку жене в первый же день после свадьбы — удел никчемных мужиков. В нашей семье такие порядки не в ходу. Так что все эти предрассудки и глупые правила у нас отменяются. Тебе больше не нужно ломать над этим голову, ложись-ка спать и отдохни как следует.

Услышав, как Линь Фань заявляет об отмене всех этих суеверных порядков, Сун Сяосюэ испытала крайнее изумление и шок. Она никак не ожидала, что муж сможет вот так запросто аннулировать правило, передававшееся из поколения в поколение столь долгое время.

Сердце её наполнилось неизбывной благодарностью к мужу за то, что он избавил её от физической боли, связанной с этим обычаем. Она понимала: муж защищает её! Он сокрушил древний уклад. И теперь она еще крепче верила, что нашла именно того человека.

Раз муж так добр к ней, она обязана отплатить ему за эту доброту, верно служа ему всю оставшуюся жизнь. На её лице расцвела счастливая улыбка.

Этот сегодняшний поступок Линь Фаня в будущем спасет женщин всего общества, подарив им несравненно более высокую степень заботы и защиты. Но об этом говорить было еще рано.

На самом деле, в этом мире существовали и такие невесты, которых в день свадьбы по-настоящему не били. Либо те, чья семья была сильнее семьи жениха, обладая властью и богатством, либо те, кого лупили лишь для вида, понарошку. Однако в прошлом случалось всякое: бывало, что в день свадьбы жену забивали до смерти. Всё зависело от того, насколько ты важна для своего мужа, и от того, как именно он к тебе отнесется.

Ведь это правило считалось незыблемым.

И тем не менее сегодня Линь Фань нарушил его. Более того, в собственном доме он напрямую стер это дурное правило в порошок.

Случившееся заставило Сун Сяосюэ взглянуть на мужа совершенно иначе и зауважать его еще сильнее. Казалось, любая проблема в руках её мужа легко решалась и вовсе не стоила выеденного яйца.

Более того, каждое действие Линь Фаня сегодня словно шло вразрез со здравым смыслом нынешней эпохи, чуть ли не опережая её на шаг.

Что же за человек её муж?

Как можно быть настолько невозмутимым и при этом сметь вот так запросто переписывать устоявшиеся веками порядки? Неужели он не боится гнева деревенских старейшин? А может, её муж — какой-то необыкновенный человек, могучий герой или и вовсе бессмертный небожитель?

Она погрузилась в задумчивость, отвлекаясь на самые странные и диковинные мысли, и в какой-то момент невольно тихонько захихикала про себя.

О чем ты вообще думаешь? Откуда в твоей жизни возьмутся герои да богатыри? Да и разве бывают на свете настоящие небожители?

Вскоре она отогнала эти мысли. В конце концов, перед ней стоял самый обычный, живой человек.

Покрутив головой во все стороны и приглядевшись к нему и так и эдак, она окончательно убедилась: перед ней обыкновенный смертный.

Сун Сяосюэ не стала слишком глубоко уходить в эти дебри: раз не получается в чем-то разобраться, значит, и ломать голову не стоит.

Линь Фань, конечно же, не подозревал, что за эти несколько минут Сун Сяосюэ успела передумать столько странных и запутанных вещей. Он произнес:

— Жена, уже поздно, давай ложиться спать.

При слове «спать» Сун Сяосюэ тотчас вспомнила о другом.

Верно! Ей же предстоит делить ложе с мужем.

Только разделив с ним постель, можно зачать ребенка, ведь они поженились именно для того, чтобы продолжить род. Раньше она слыхала, что некоторые в деревне спали вместе по несколько лет, но детей у них так и не появлялось. Интересно, сколько же времени им с мужем придется проспать вместе, прежде чем появится ребенок?

С этими мыслями она ответила:

— Хорошо, муж, давай ложиться.

Сказав это, она на цыпочках забралась на кровать и легла рядом с Сяо Цао.

Линь Фань отозвался:

— Хорошо, жена, ложись пока! А я сначала запру дверь.

С этими словами он направился к выходу.

Подойдя к дверям, он прислушался: вся деревня вокруг уже погружалась в тишину.

Люди в этом мире ложились спать очень рано, отдыхать отходили споза́нку.

Впрочем, поделаться было нечего: в эту эпоху не было ни электричества, ни каких-либо развлечений.

По ночам деревня тонула в непроглядной тьме, хоть глаз выколи. Лишь изредка впотьмах мелькал огонек факела — это кто-то из сельчан возвращался домой после наступления темноты.

О какой-то ночной жизни не приходилось и мечтать.

Обычно, поужинав сразу с наступлением темноты, жители деревни просто ложились спать.

<http://bllate.org/book/21411/2185290>